

«На улице Мынтулясы»
Мирчи Элиаде:
попытка расшифровки

1.

Повесть М.Элиаде «На улице Мынтулясы»¹ относят к тому направлению, которое теперь принято называть «фантастическим реализмом». Пожалуй, особенность этого жанра — возможность нескольких (многих) трактовок и интерпретаций. Этим он отличается от фантастики и от реализма. Вспомним, сколько попыток делалось разгадать многослойный смысл «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова, рассказов А. В. Чаянова, Ст. Кинга, фильмов Д. Линча и им подобных. См. подходящую к этому рассказу характеристику фантастического реализма, данную Вяч. Вс. Ивановым: «Нигде фантастический реализм не раскрылся в тридцатые годы нашего века с такой силой, как в не допущенных тогда к печати книгах Андрея Платонова <...> и в „Мастере и Маргарите“ Булгакова. Этими некогда запрещенными, а теперь признанными произведениями нашей словесности мы подготовлены и к восприятию фантастического реализма таких писателей иных культурных традиций, как Мирча Элиаде»². Но, думается, текст Мирчи Элиаде, анализируемый здесь, еще сложнее, чем тексты Платонова (это сгусток описания того, что БЫЛО) или Булгакова (это мечта о том, что МОГЛО БЫ БЫТЬ). Мифологический слой этого рассказа выявляется легко, но читателю (и офицерам госбезопасности-слушателям) непонятно, сознательно ли или нет этот слой придумал старик-рассказчик или он оттягивает время.

В нашей интерпретации предлагается попытка выявить основной смысл этого загадочного текста, расчлняя его нарративную структуру на отдельные пласты, однако смыкающиеся друг с другом.

Рассказ написан в 1955–1967 годах, и основное действие его происходит в коммунистической Румынии примерно в 1946–1947 годах. Это важно. Герои все время обращаются к недавнему прошлому (относительно недавнему, т. е. около тридцати лет тому назад). Однако в рассказе время возвращается и к эпохе двухсотлетней давности, «с которой все началось». Таким образом, оппозиция прошлое–настоящее вырисовывается сразу, и ее М.Элиаде «подает» читателю с первых же страниц. Поэтому она слишком очевидна. Но связь времен становится (по мере развития тексто-

¹ Текст анализируется по изданию: *Элиаде М.* Гадальщик на камешках. СПб., 2000. С. 115–250. Цифра в скобках в тексте статьи означает страницу этого издания.

² *Иванов Вяч. Вс.* Мирча Элиаде и фантастический реализм XX века // *Элиаде М.* Гадальщик на камешках. СПб., 2000. С. 13–14.

вой структуры и рассказа старика) все более глубокой, и мы постараемся двигаться, уходя в эту глубину и пытаясь через прошлое понять настоящее.

Несомненно, что рассказ построен на движении «горизонта ожидания» многих нарративных линий. Такое строение нетривиально, так как в литературе «классического периода» прошлое или не движется вместе с настоящим, изменяя его, или просто постепенно выясняется для читателя, оставаясь статичным. Например, таково постепенно выясняющееся «прошлое» в поздних романах Достоевского. В рассказе М. Элиаде, как было уже сказано, «движется» несколько хронологических линий прошлого и несколько нарративных линий настоящего. Таким образом, получается нечто вроде крупной сети, каждый узел которой может быть истинным либо неистинным, то есть актом некоей коммуникативной стратегии.

Итак, *первая линия* — это рассказ старика, бывшего директора школы на улице Мынтулясы, Захарии Фэрэмэ, рассказ о странных историях, связанных с его учениками, за жизнью которых он внимательно следил. Эту линию можно назвать «**Старик**».

Старик навещает своего бывшего ученика, а ныне майора госбезопасности Василе Борзу. Поскольку Борза категорически отрицает свою причастность к начальной школе на улице Мынтулясы, старик попадает в коридоры госбезопасности и начинает там длинный и странный рассказ. Удивительным образом его как будто бы бесхитростная и бессвязная история заинтересовывает все более и более высоко сидящих функционеров «Новой Румынии» (сначала это Министерство безопасности Румынии, затем — Помощник Государственного секретаря в Министерстве иностранных дел, потом — товарищ министр Анка Фогель), которые читают и слушают его истории все более внимательно. Но верят ли они ему?

Нет, опытные сотрудники подозревают, что он что-то важное скрывает, но поймать его «за руку» не могут:

- (Борза) Вы обманом проникли в мою квартиру. Значит, у Вас есть какая-то цель (127);
- (Думитреску) Этот тип что-то знает. Ему что-то нужно. Возможно, он тебя ни с кем не путает, а преследует какую-то цель, потому что знает, кто ты такой (130–131);
- (Думитреску) В конце концов мы узнаем, чего он от тебя хотел. Пока ясно только одно: он вызывает подозрение (148);
- (Думитреску) Вы несете всякую чушь на постном масле и думаете, что, заталмудив нам голову своими рассказами, легче избавитесь от нас (173);
- (Думитреску) Я задаю себе вопрос: вы путаетесь потому, что не помните досконально, как было дело, или же потому, что хотите что-то скрыть? (213);
- (Анка Фогель) Проблема такая: зачем Вы по ходу рассказа придумываете разных действующих лиц? В надежде оттянуть время и таким образом спасти себя? Но я не понимаю, чего вы боитесь... (220);
- (Некто в высоком чине) Если Вы сейчас искренни, значит, еще слишком переутомлены (232);
- (Некто в высоком чине) Вы упорно старались не раскрыть подлинных отношений между Дарвари, Ликсандру и Мариной, тех отношений, которые, если бы мы о них знали, помогли бы нам понять, почему Дарвари решил бежать в Россию (236);

(Некто в высоком чине) Или Вы просто-напросто любой ценой стремитесь скрыть какие-то события, которые объяснили бы нам не только причины бегства Дарвари, но и смысл той метаморфозы, которую претерпел Ликсандру (241); (Конец рассказа. Борза? Ликсандру?) Он знает очень много, и он единственный, кто все это знает (249).

Итак, кто же это такой, этот внешне безобидный старик Фэрымэ? Рассказчик событий? Их сочинитель? Или он двигатель событий, «демиург»?

Нужно напомнить, что именно М.Элиаде глубоко исследовал человеческую природу шаманизма. См. «Шаман является великим специалистом по человеческой душе; только он „видит“ ее, поскольку знает ее „форму“ и предназначение»³.

Внешне (или в социальном плане) шаман может не отличаться от остальных членов общества.

«Эта последняя возможность получения магико-религиозных сил не подразумевает религиозного или общественного отличия по отношению к остальной части сообщества. Человек, добившийся возрастания своего магико-религиозного потенциала благодаря определенным элементарным, но традиционным техникам — для обеспечения хорошего урожая или для защиты от сглазу и т. п., — не стремится изменить свой общественно-религиозный статус и стать знахарем, пользуясь своими преимуществами»⁴.

Понять это отчасти можно, если приблизиться к *второй линии*, условно называемой нами «Госбезопасность».

Эта линия начинается с дома, где живут сотрудники этого министерства и куда устремляет свои шаги старик Фэрымэ.

Как пишет Вяч. Вс. Иванов, анализируя балладу о мастере Маноле, разрабатываемую и Элиаде, «дом (или мост как связующее звено между двумя этапами) и город являются сакральными. По Элиаде, он представляет собой символический центр мироздания. Жертвоприношение, ради дома совершаемое, первоначально заключалось в убийстве гиганта-первочеловека. Все позднейшие строительные обряды тяготеют к этому архетипу и представляют его вечное возвращение»⁵.

Но тот дом, куда приходит старик Фэрымэ, не таков. Он — новый. И это важно. Цель визита старика загадочна: «Это важная встреча, — заторопился старик. — Ради интересов всей семьи. Правильней будет сказать, ради него самого, ведь господин майор сам является членом этой семьи, — произнес старик многозначительно» (118). При этом почему-то, по мере продвижения старика вверх, ему попадаются жильцы все более и более испуганные (от равнодушного привратника до бледного юноши, говорящего почти шепотом). В этом доме все следят друг за другом и все друг о друге знают. Офицер допрашивает старика, о чем спросила его женщина на площадке, все спрашивают его, давно ли он знает майора Борзу, испуганный и

³ Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. М., 2000. С. 10.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Иванов Вяч. Вс. Происхождение и трансформации фабулы баллады о мастере Маноле // Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. М., 2003. С. 423.

бледный молодой человек знает, что семья Борзы из провинции. Наконец, в самой квартире Борзы находится Думитреску, сотрудник Министерства госбезопасности. Итак, это страшный дом⁶.

Удивительно и другое: по мере рассказа старика (а он или рассказывает, или пишет на бумаге, вспоминая) всех функционеров-слушателей — от мала до велика — каким-то образом ликвидируют: снимают с должности? расстреливают? они кончают с собой? Самый первый слушатель — майор государственной безопасности Василе Борза, как будто бы бывший ученик Фэрымэ, — скрывает свою биографию, что выясняется сразу же, и лишается поста и звания (а возможно, и жизни), помощник государственного секретаря по иностранным делам Василе Эконому кончает с собой. Движение репрессий идет по нарастающей до тех пор, пока в кабинете товарища министра Анки Фогель не раздастся гром с небес (или ex profundis): телефонный звонок и приказ на **русском языке** перекрыть улицу Мынтулясы, где была школа. Далее, саму Анку Фогель снимают с ее высокого поста. Итак, функционеры новой Румынии оказываются не доверяющими друг другу оборотнями, на самом деле так или иначе тесно связанными с прошлой Румынией или стремящимися к этому. В этом смысле повесть напоминает известный роман Г.К.Честертона «Человек, который был четвергом», где главный и искомый анархист и оказывается шефом полиции, так как главный объект поиска в повести М.Элиаде — некто Ликсандру, человек необычайных способностей, — объявляется в самом конце и, вероятно, он и есть главная пружина всех требований к старику Фэрымэ «рассказать о Ликсандру».

Однако неясным остается вопрос, поставленный выше: безобидный старик Фэрымэ сознательно индуцирует этот каскад понижений или это простое следствие его бесхитростного рассказа?⁷

Что же важно в этой линии? Это выявление (или определение) того, чем же *на самом деле* интересуются сотрудники спецслужб. Как кажется, это два ряда феноменов.

Первый — интерес к людям, так или иначе сумевшим покинуть Румынию. Это — красавица великанша Оана, вышедшая замуж за эстонского профессора. Ею от души восхищается товарищ министр Анка Фогель. Это — военный летчик Петру Дарвари, почему-то учивший иврит и исчезнувший где-то возле Одессы, то есть бежавший в Россию, но оказавшийся на самом деле где-то в другом месте⁸. Им интересуется

⁶ Хочется обратить внимание на никем, на мой взгляд, не описанный факт, что в современных американских фильмах (разумеется, не в жизни) распространен сюжет, как бы обратный славянскому: молодая пара покупает дом, который по тем или иным причинам становится страшен. И если мы привыкли (в сказках, в рассказах) к тому, что в трудную минуту нужно скорей бежать домой, то в подобных фильмах спасительным пристанищем является машина и открытое шоссе.

⁷ В некоторых случаях можно понять его так, что он издевается над слушателями вполне сознательно. Так, министру Анке Фогель, предлагавшей ему немедленно прогуляться по описанным им местам улицы Мынтулясы, он говорит, что лучше бы это сделать летом, «когда цветут абрикосы».

⁸ Позволю себе высказать гипотезу о том, что Йози и Дарвари оказались в Израиле. Во-первых, оба они учат заранее иврит (что не совсем понятно в случае Дарвари), во-вторых, Ликсандру говорит: «Я прекрасно знаю, что Йози жив, но обитает он, конечно, не здесь, не у

сударственный советник Василе Эконому. Третий — Йози, сын раввина, который бросился в воду в подвале старого дома и навсегда исчез, заранее простившись с товарищами.

Но больше всех сотрудников спецслужб интересует герой, любимец одноклассников, Ликсандру. Они понимают, что старик в основном говорит о давних событиях (и чем дольше длится его «задержание», тем более давними становятся эти события), но пропускает период тридцатых годов и биографию Ликсандру. Их пугает возможность физической метаморфозы Ликсандру. «Случилось так, что Вы являетесь единственным свидетелем этой метаморфозы. Поэтому Вы для нас представляете исключительную ценность. Ведь если Ликсандру стал неузнаваем абсолютно для всех, он может быть кем угодно в этой стране, даже одним из наших лидеров, которые в настоящее время держат в своих руках судьбы всего народа» (247).

Именно эта возможность менять свою внешность заставляет сотрудников интересоваться загадочной Мариной-Замфирой, меняющей и возраст, и внешность.

Второй ряд — интерес к рассказам о сокровищах. Фэрымэ говорит о легендах, согласно которым в подвалах и в лесах хранятся несметные золотые богатства, пещеры-дворцы. Они ведут в иной мир, но при этом только некие «знаки» указывают на дворец-подвал. Таким образом связывается в один клубок золото, богатство и исчезновение из Румынии. Эти таинственные знаки, говорящие о местах хранения сокровищ и переходах в этот иной мир, известны как будто бы не только некоторым школьникам, но и певице из корчмы Ляне, таинственной Марине-Замфире.

То есть, иначе говоря, оба ряда суть в той или иной форме прощание с Румынией.

Интересно то, что сотрудники спецслужб как будто бы тоже румыны и должны были выйти из румынской старой среды, но они не знают абсолютно ничего: ни старых легенд (например, об улице Мынтулясы), ни недавних историй про великаншу Оану, проще — им недоступна связь старого и нового.

Они — **чужие**.

Совершенно иначе построена *третья линия*, которую можно назвать «**Вокруг школы**». Прежде всего нужно сказать, что само название улицы ведет к далекому прошлому, когда богатый боярин Каломфир дал эту улицу в приданое некоему Мынтулясе, за которого он выдал спасительницу его жены, Замфиру. Так что это все-таки земля бояр Каломфиров.

Герои рассказов Старика — школьники и их друзья. Школьники: Василе Борза, Петру Дарвари, Йози, сын раввина, Алдя, Георге Ликсандру. Последний — герой мифологем, поэт, красавец, способный к языкам. Ликсандру может стрелять из лука так, что стрела исчезает и не возвращается (о Йози и Дарвари уже говорилось выше).

Замечательны их друзья.

нас под ногами» (209), в-третьих, великанша Оана видит во сне чудесное царство, где живут «по Ветхому Завету», что вызывает эмоциональную реакцию Дарвари («И тебе тоже явились знаки!»). Ср. также загадочные слова Думитреску: «Дарвари не добрался до России. И самолет, который он угнал, тоже не нашли, хотя и с нашей, и с русской стороны велись долгие поиски. Надеюсь, Вы понимаете, что это значит...» (214).

Прежде всего — это красавица великанша Оана, дочь корчмаря, способная победить и измучить любого мужчину: и в борьбе, и в постели. Предсказанный ей в женихи белокурый великан спускается с гор с двумя лошадьми и берет ее в жены (то, что он оказывается дерптским профессором, звучит в тексте несколько забавно и иронично).

Это — загадочная певица в корчме Ляна, которую и «звуют не так» и которая «что-то знает». Ляна влюблена в Ликсандру и хочет спасти его от «погружения в подвал».

Это — пара аристократов, потомков боярина Каломфира: Драгомир и его кузина-невеста Марина. Красавица Марина легко меняет свою внешность, становясь то глубокой старухой, то юной девушкой. Именно она пугает сотрудников госбезопасности, так как, по их мнению, она может научить и других преображаться. Как кажется, способность, вероятно, старой Марины быть по желанию юной и красивой говорит о готовности Старой Румынии к «вечному возвращению».

Это — таинственный иллюзионист Доктор, показывающий необычайные превращения и исчезновения.

Итак, вся эта компания друзей — незаурядна. Даже неправдоподобна — на грани героев мифологем. Они отмечены неким даром, недоступным офицерам спецслужб.

Что касается самого рассказа Захарии Фэрымэ, то вначале и далее он говорит без умолку, добавляя все новые и новые как будто не идущие к делу подробности, однако в конце, увидев своих «реальных» бывших учеников — уже упоминавшегося Ликсандру и Василе Борзу или представляющегося таковым, он не говорит им ни слова, отвергает их попытки контакта и уходит. Почему? Можно предположить, что этот новый Василе Борза не является им на самом деле, тогда как первый претендент на это имя, майор безопасности, с визита Фэрымэ к которому начинается рассказ, на самом деле и был Василе Борза, хотя всячески это отрицал, делая вид, что он — малообразованный парень из местечка Тей. Старик Фэрымэ сразу же понимает, что этот новый «Василе Борза» — сотрудник спецслужб.

Все эти линии относятся к живущим во время рассказа Старика людям. К далекому прошлому относится *четвертая линия*, которую можно назвать «**Бояре Каломфиры**».

Рассказ об этой семье, ранее владевшей и землей на улице Мынтулясы, пропорционально не велик. Однако семья Каломфиреску продолжает быть тесно связанной с настоящим. Из рассказа Фэрымэ мы узнаем, что красавица Аргира, жена Йоргу Каломфира, была почти слепа и не могла наслаждаться даже любимыми спектаклями. И вот однажды поднялась к ней девушка из ближнего села. «Я — Замфира, — заявила она. — Я умою тебе лицо этой водой, и Господь Бог вернет свет твоим глазам». Это было в начале восемнадцатого века, но таинственная Марина Каломфиреску называет себя Замфирой: связь времен не прерывается.

2.

Но в этой повести есть и рассказ об ином мире, и сам иной мир, без чего нельзя и представить себе Мирчу Элиаде (да и Балканы в целом, ибо жителям этого загадоч-

ного полуострова «главное — любой ценой удержать образ этого сказочного мира в своем сознании» 9). Разумеется, этот иной мир связан со старой, даже древней, Румынией, аристократами, кладами, легендами и закланиями, также проходящими сквозь полубред старика-директора. Так, в рассказ о великанше Оане вводится и настоящее заклинание. Оана, танцуя, движется по поляне и напевает: «Ты, красавка, белладонна, будь к прошенью благосклонна: чтоб не жить на всех с обидой, через месяц замуж выдай». Затем Оана закричала: «Обжени меня, а то мозги плавятся!». И тут из высокой травы поднялось привидение в виде одетой в рванье старухи с растрепанными космами и золотым ожерельем на шее» (159). Старуха велит ей ждать жениха в горах, «два коня под седлом, на шее красная косынка».

Как пишет В. Я. Пропп в «Исторических корнях волшебной сказки», собрав материал традиционной культуры многих народов¹⁰, иной мир — обычно весь золотой, там золотые яблоки свисают с золотых деревьев у золотых дворцов, а у царевны золотые косы и платье отливают золотом. Золото завораживает. По мнению известного писателя О. Хаксли, золотой блеск особым образом воздействует на нервные окончания и зоны мозга и создает мир иллюзий и мечты¹¹, именно поэтому так любит окружать себя золотом церковь и власть. Нырющие в подвалы школьники видят пещеры, наполненные золотом, таинственные сверкающие дворцы. В иной мир в повести М. Элиаде попадают необычные люди (см. выше о красавице великанше Оане, румынке с белокурыми волосами). И туда как будто бы нет пути спецслужбистам.

Иной мир рядом и в то же время сейчас, в современной Румынии, он недоступен или доступен не для всех — вот, по нашему мнению, основная мысль М. Элиаде.

3.

Поэтическую ткань рассказа можно назвать кольцеобразно повторяющейся. Что это значит? Начало и конец оформлены повторами-совпадениями, но и внутри текста также встречаются повторы.

Рассказ начинается с того, что Фэрэмэ приходит к Борзе в два часа пять минут третьего. И в самом конце он говорит о «встрече в два с четвертью — в половине третьего». Однако если в первой ситуации внешность малосимпатичного Борзы описывается подробно, то в конце мы не узнаем, как выглядит претендент на имя Борзы, что опять запутывает читателя: Фэрэмэ сразу понял, что это другой человек, разговаривать с спецслужбистами он больше не хочет. (Фэрэмэ конца, тихий и молчаливый, напоминает героя «1984» Дж. Оруэлла.)

Все повторы внутри текста связаны только с линией госбезопасности, с **чужими**. В остальных нарративных пластах повторов нет.

⁹ Свешникова Т. Вечное возвращение на Балканы // Элиаде М. Гадальщик на камешках. М., 2000: 510.

¹⁰ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. Глава VIII. За тридевять земель. С. 284–287. Золото.

¹¹ Хаксли О. Двери восприятия. СПб., 1999. С. 249–302.

Например, старик дважды просит позволения присесть, ссылаясь на ревматизм: перед Думитреску (137) и перед Эконому (156). Он дважды просит разрешения закурить¹².

Дважды сотрудники госбезопасности характеризуются «необычно тонкими губами»: «Из столовой вышел еще довольно молодой шатен с прилизанными волосами, коротко подстриженными усиками, маленьким ртом и такими тонкими губами, что казалось, будто их вовсе нет» (130) — это Думитреску; «За столом сидел мужчина лет пятидесяти, с седыми висками, приплюснутым носом и необычно тонкими губами» (153) — это Эконому.

Дважды в жизнь сотрудников госбезопасности вмешивается некий звонок, активно меняющий ситуацию: «В это время зазвонил телефон. Думитреску протянул руку и поднял трубку. Ему что-то сказали, и он покраснел как рак» (175); «Фэримэ неожиданно замолчал, испугавшись не столько телефонного звонка, сколько резко изменившегося выражения лица Анки Фогель. Мрачно глянув на телефон, она раздавила в пепельнице только что зажженную сигарету. Потом сняла трубку и поднесла ее к уху, выдавливая из себя улыбку. Фэримэ вдруг стало страшно, и он отвернулся к книжному шкафу.

— Понятно, — услышал он ее шепот.

Последовала пауза, потом прозвучало несколько слов на русском языке, и трубка опустилась на рычаг» (219).

Дважды абсолютно одинаково описывается то, как Фэримэ вызывают на допрос: «Фэримэ аккуратно положил ручку на промокашку, заткнул пробкой пузырек с чернилами и вышел» (153); «Фэримэ положил ручку на промокашку, заткнул пузырек с чернилами и поднялся» (176).

Стилистически единообразны реакции Эконому на Доктора-фокусника и Анки Фогель — на Оану.

«Великий иллюзионист! — воскликнул человек за столом» (162); «Колоссальный иллюзионист!» — воскликнул хозяин кабинета» (164); «Удивительный иллюзионист!» (167).

«Потрясающая женщина!» (181); «Потрясающая женщина!» (182); «Потрясающая женщина!» (186); «Потрясающая женщина!» (199).

От этих повторов и повторов-реплик создается впечатление каких-то страшных механических кукол, противопоставленных «штучным» героям «школьной компании».

4.

Все эти линии в рассказе сходятся. Сотрудник органов безопасности, Эконому, оказывается, зарывал перед приходом новой власти золотой клад, и рассказ старика Фэримэ это невольно (или сознательно?) разоблачает. Аристократы старой Румынии живут среди нас. Бывшие друзья-одноклассники с улицы Мынтулясы продолжают дружить. Ликсандру надежно спрятан за спинами школьных товарищей, но

¹² Интересно, что товарищ министр Анка Фогель сама предлагает старику сесть, предлагает дорогие сигареты и угощает шампанским. Это отличие пока мной не интерпретировано.

и он, видимо, входит в паутину спецслужб, занимая там видное положение. Иной мир реален, и туда все-таки можно попасть. И именно туда стремятся на самом деле функционеры «новой» Румынии. Но попасть туда могут только незаурядные герои, отмеченные неким даром свыше.

Вполне сознательно мы обходим вопрос о том, подлинную ли историю рассказывает старик Фэрымэ, является ли его рассказ бредом или сознательной провокацией. По этому поводу можно повторить слова писателя, драматурга, эссеиста и теоретика «Нового романа» Алена Роб-Грийе: «То, что *есть на самом деле*¹³, то, *чего на самом деле нет*, и создаваемая *иллюзия* стали, в большей или меньшей степени, темой любого современного произведения: вместо того чтобы выдавать себя за кусок действительности, оно развивается как размышление о реальности этой действительности (или о ее *ирреальности* — это как кому угодно)»¹⁴.

¹³ Здесь и далее курсив автора. — Т. Н.

¹⁴ Роб-Грийе А. Время и описание в современном повествовании // *Он же*. Романески. М., 2005. С. 596.